

**КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
CROSS-CULTURAL AND ETHNOPSYCHOLOGICAL RESEARCH

Роль идентичности, этнических стереотипов и стратегий аккультурации в адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе

В.Н. Галяпина*,
ФГБОУ ВПО НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
galapyn@yandex.ru

Ж.Ж. Хожиев**,
НОУ МФИУ «Синергия», Москва, Россия,
emi-jemi@yandex.ru

В статье представлены результаты изучения влияния этнической, религиозной, собственной гражданской и российской идентичностей, этнических стереотипов на выбор мигрантами из Средней Азии в Московском регионе, аккультурационных стратегий, а также влияния данных стратегий на адаптацию мигрантов. В исследовании участвовали 105 узбеков и 96 таджиков (N = 201). Были использованы шкалы из опросника проекта MIRIPS (Mutual Intercultural Attitudes in Plural Societies: the Mirips Project). Путевой анализ в программе AMOS показал, что наиболее успешными стратегиями для мигрантов из Средней Азии являются интеграция (способствует самоуважению) и ассимиляция (способствует удовлетворенности жизнью). Интеграция определяется этнической и российской идентичностями, ассимиляция — идентификацией со страной исхода и российской идентичностью и отрицательным влиянием этнической идентичности. Сепарация и маргинализация не способствуют самоуважению мигрантов, при этом выбор сепарации препятствует положительный гетеростерейтип русских и российская гражданская идентичность. На выбор стратегии маргинализации влияет религиозная идентичность. Выраженная религиозная идентичность оказывает негативное влияние на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии.

Ключевые слова: стратегии аккультурации, этническая, религиозная и национальная идентичности, этнические стереотипы, адаптация мигрантов из Средней Азии.

Для цитаты:

Галяпина В.Н., Хожиев Ж.Ж. Роль идентичности, этнических стереотипов и стратегий аккультурации в адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 15–27. doi: 10.17759/chp.2017130402

For citation:

Galyapina V.N., Khojiev J.J. The Role of Identity, Ethnic Stereotypes and Acculturation Strategies in the Adaptation of Migrants from Central Asia in the Moscow Region. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 15–27. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130402

* Галяпина Виктория Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГБОУ ВПО НИУ ВШЭ), Москва, Россия. E-mail: galapyn@yandex.ru

** Хожиев Жавохир Жалилович, менеджер по продажам, Негосударственное образовательное учреждение «Московский финансово-индустриальный университет «Синергия» (НОУ МФИУ «синергия»), Москва, Россия. E-mail: emi-jemi@yandex.ru

Galyapina Victoria Nikolaevna, PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, International Scientific-Educational Laboratory for Socio-Cultural Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia. E-mail: galapyn@yandex.ru

Khojiev Javokhir Jalilovich, Sales Manager, Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russia. E-mail: emi-jemi@yandex.ru

The Role of Identity, Ethnic Stereotypes and Acculturation Strategies in the Adaptation of Migrants from Central Asia in the Moscow Region

V.N. Galyapina,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
galapyn@yandex.ru

J.J. Khojiev,

Moscow University for Industry and Finance "Synergy", Moscow, Russia,
emi-jemi@yandex.ru

The paper focuses on the study of the of impact ethnic, religious, civil and Russian identities, ethnic stereotypes on the strategies of acculturation and on the adaptation of migrants from Central Asia in the Moscow region. Representatives of two ethnic groups participated in the research: 105 Uzbeks and 96 Tajiks (N= 201). The methods of the study included the scales of acculturation strategies, ethnic and national identities from the MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) project questionnaire. The results of path analysis in AMOS program showed that integration and assimilation are the most successful strategies for migrants from Central Asia: integration contributed to self-esteem, while assimilation promoted life satisfaction. Integration is basically determined by ethnic and Russian identities, whereas assimilation is determined mostly by identification with the country of origin and by Russian identity as well as by the negative impact of ethnic identity. Separation and marginalization do not contribute to self-esteem of the migrants; however, positive heterostereotype of the Russians and Russian national identity prevent the migrants from choosing separation and marginalization. The choice of strategy is largely affected by religious identity. Expressed religious identity has a negative impact on the socio-cultural adaptation of the migrants from Central Asia in the Moscow region.

Keywords: strategies of acculturation; ethnic, religious and national identities; ethnic stereotypes; adaptation of migrants from Central Asia.

Актуальность

Анализ статистических данных показывает, что на сегодняшний день Россия занимает третье место в мире (после США и Германии) по количеству мигрантов (по данным, опубликованным ООН в 2016 г. <http://rg.ru/2016/01/12/migranti-site-anons.html>). Также можно отметить, что наибольшее количество трудовых мигрантов приезжают в Россию из государств Средней Азии [13]. При этом, по данным Росстата, большинство мигрантов находятся в городе Москве и Московском регионе. Данные о количестве мигрантов, прибывших в Россию в 2015 г., представлены в табл. 1.

Во многих исследованиях утверждается, что успешная адаптация трудовых мигрантов определяется их интегрированностью в новую социокультурную среду [22; 24; 35; 55]. Но не всегда трудовые мигранты ориентированы на выбор интеграционной стратегии. В этой связи важно понять, какие стратегии являются для мигрантов наиболее предпочитаемыми и какие социально-психологические факторы их определяют.

Введение

Изучением факторов адаптации мигрантов из Средней Азии занимались многие российские исследователи.

Таблица 1

Количество мигрантов, прибывших в Россию в 2015 г.

Страна	Численность населения страны	Число мигрантов в РФ (данные ФМС на 20.01.2015 г.)
Украина	42 703 946	2 417 575
Узбекистан	30 488 600	2 215 780
Таджикистан	8 354 000	999 169
Казахстан	17 476 141	597 559
Азербайджан	9 593 000	579 493
Молдавия	3 555 200	561 033
Киргизия	5 895 100	544 956
Белоруссия	9 481 100	517 828
Армения	3 010 600	480 017

дователи [5; 14; 17]. В ряде исследований делается акцент на анализе рисков миграции из стран Средней Азии [2], в некоторых исследованиях анализируются основные виды, тенденции, уроки миграции из Узбекистана и Таджикистана [10; 13; 16,]. В исследовании П.П. Лисицына и А.В. Резаева [8] изучалась социальная адаптация трудовых мигрантов из Узбекистана в городах Иваново и Санкт-Петербурге. Как показал анализ, чаще всего исследования носят социологический характер.

Анализ социально-психологических исследований свидетельствует о том, что наиболее успешной аккультурационной стратегией мигрантов является интеграция. P.G. Schmitz и J.W. Berry [44] в своем исследовании мигрантов и принимающего населения в Германии отмечают, что стратегия интеграции способствует наилучшей адаптации мигрантов. В работе A.M.D. Nguyen и V. Benet-Martinez [37] на основе мета-анализа 83 исследований представителей мигрантов и этнических меньшинств было установлено, что стратегия интеграции позитивно взаимосвязана с психологической и социокультурной адаптацией.

В ряде исследований была выявлена позитивная взаимосвязь между выбором мигрантами и этническими меньшинствами стратегии ассимиляции и их успешной адаптацией [27; 31; 55]. Исследование латиноамериканских и азиатских подростков в США выявило позитивную взаимосвязь между предпочтением стратегии ассимиляции и удовлетворенностью жизнью [26]. Похожие результаты были получены M. Verkuyten [50] в изучении турецко-голландских подростков в Нидерландах. Также в ряде исследований [30; 55] была выявлена положительная взаимосвязь между стратегиями ассимиляции и социокультурной адаптации. Однако есть и другие результаты, свидетельствующие о том, что мигранты и этнические меньшинства, предпочитающие ассимиляционную стратегию, имеют уровень адаптации ниже среднего [19].

Во многих исследованиях отмечается, что сепарация и маргинализация негативно влияют на адаптацию [44; 45]. В исследованиях A. Portes [39] было установлено, что родители-иммигранты более ориентированы на сохранение своей культуры (стратегия сепарации), чем их дети, и имеют больше трудностей в адаптации к новым культурам и изучении новых языков. Однако в некоторых исследованиях отмечается, что в отдельных сферах жизни сепарация и маргинализация связаны с самоуважением. В исследовании турецкой молодежи в Нидерландах было установлено, что самоуважение позитивно коррелирует со стратегией сепарации в области чтения книг, а маргинализация — в области работы [29]. Кроме этого, в ряде исследований психологического благополучия и преодоления стресса, связанного с миграцией, отмечается, что ориентация мигранта на поддержание своей культуры, связь с соотечественниками, социальная поддержка с их стороны влияют на снижение стресса [49; 54].

Исходя из данного анализа, мы в своем исследовании будем проверять влияние каждой из аккуль-

турационных стратегий на адаптацию мигрантов из Средней Азии в Московском регионе России.

Как показывает анализ литературы, выбор аккультурационных стратегий определяется выраженностью этнической, национальной, религиозной идентичностей. Исследование репатриированных греков показало, что их этническая идентичность взаимосвязана со стратегией ассимиляции, «смешанная» идентичность (например, албанские греки) — со стратегией интеграции, «индигенная» идентичность (например, албанская) — со стратегией сепарации [25]. Подобные результаты были получены M. Laroche и коллегами [32] в исследованиях франкоканадцев. В ряде исследований установлено, что этническая идентичность позитивно связана с сепарацией и негативно — с интеграцией, гражданская идентичность позитивно связана с интеграцией и негативно — с сепарацией [21; 47]. В ряде исследований доказывалась позитивная взаимосвязь между этнической и религиозной идентичностью и национальной и религиозной идентичностью этнических меньшинств [38; 52]. В некоторых исследованиях также отмечается, что этническая и религиозная идентичности — это составляющие общей культурной идентичности [22].

Также в ряде исследований отмечается позитивная взаимосвязь между мусульманской религиозной идентичностью и адаптацией мигрантов. В масштабном исследовании молодых мигрантов в 13 странах было выявлено, что мусульманская молодежь имеет более высокий уровень психологической и социально-культурной адаптации, чем те, кто исповедовал, например, буддизм, индуизм, и те, кто не были религиозными [42].

В исследовании C. Ward [56] взаимосвязи различных аспектов мусульманской идентичности у женщин-иммигрантов в Новой Зеландии было установлено, что публичная демонстрация мусульманской идентичности позитивно связана с самоуважением, но психологические и поведенческие аспекты мусульманской идентичности напрямую не связаны с адаптацией. Мусульманская идентичность, по мнению C. Ward, является, скорее, буфером для негативных последствий предполагаемой дискриминации.

Кроме идентичностей предикторами аккультурационных стратегий мигрантов могут выступать этнические стереотипы. Согласно интегральной теории угроз, негативные стереотипы, наряду с реальной и символической угрозами, межгрупповой тревожностью, могут приводить к предвзятому отношению [42]. Кроме этого, как отмечается в исследовании S.T. Fiske, A.J.C. Cuddy, P. Glick, J. Xu [24], отношение к представителям различных групп определяется стереотипами. Также в исследованиях отмечается, что готовность к межкультурному контакту среди групп этнического меньшинства в большей степени подвержена влиянию доминирующих в их группе норм, установок и стереотипов в отношении аутгрупп [28; 43]. Эти результаты, на наш взгляд, позволяют предположить, что этнические стереотипы могут влиять на выбор стратегии аккультурации, а также на психологическую и социокультурную адаптацию.

Необходимо отметить, что в исследованиях в основном обращалось внимание на этнические гетеростереотипы принимающего населения по отношению к мигрантам [40]. Рассматривались содержание стереотипов, их устойчивость [1; 15; 35]. Изучалась взаимосвязь ингрупповой оценки и установок на мультикультурализм и ассимиляцию у этнических меньшинств и большинства [48; 51]. Кроме этого изучалось влияние стереотипов на толерантные установки. Так, в исследовании А.А. Выскочил [3] башкир, татар, русских и удмуртов, проживающих в Башкортостане, было установлено, что позитивные авто- и гетеростереотипы представителей всех четырех этнических групп взаимосвязаны с толерантными межэтническими установками. Исследование этнических стереотипов у русских и казахских студентов в Казахстане показало, что автостереотип у представителей казахского этноса более положительный, чем автостереотип у представителей русского этноса. Гетеростереотип казахов у представителей русского этноса более отрицательный, чем гетеростереотип русских у представителей казахского этноса [18]. Однако исследований, в которых исследуется роль этнических авто- и гетеростереотипов мигрантов в их адаптации, практически не было.

Каждая группа мигрантов в нашем исследовании (узбеки и таджики) имеет различную историческую связь с Россией, причины миграции и различные социально-экономические условия в странах исхода [подробное описание см.: 7; 10; 13; 16]. Кроме этого, у респондентов в нашем исследовании не совпадают этническая идентичность и собственная гражданская идентичность, т. е. этнические узбеки были гражданами Узбекистана и Таджикистана, этнические таджики также были гражданами Узбекистана и Таджикистана. Мы предположили, что собственная гражданская идентичность, наряду с этнической идентичностью, может влиять на выбор мигрантами их аккультурационной стратегии.

В нашем исследовании мы также учитывали возможность получения мигрантами российского гражданства. Анализ законодательной базы Узбекистана и Таджикистана [4] показал, что граждане Таджикистана могут иметь двойное гражданство (например, таджикское и российское), в то время как граждане Узбекистана, чтобы стать, например, гражданами России, должны отказаться от узбекского гражданства. Учитывая данную ситуацию, мы посчитали важным выделить две российские идентичности: российскую гражданскую и российскую как места жительства.

Целью нашего исследования являлось выявление влияния этнической, гражданской и религиозной идентичностей, этнических стереотипов мигрантов из Узбекистана и Таджикистана на их стратегии аккультурации и адаптацию в принимающем обществе Москвы.

Гипотезы:

Н1. Выраженные этническая и религиозная идентичности, позитивный этнический автостере-

отип влияют позитивно, а выраженная российская идентичность и позитивный гетеростереотип русских влияют негативно на предпочтение мигрантами из Узбекистана и Таджикистана стратегии сепарации.

Н2. Выраженные этническая и российская идентичности, позитивный этнический автостереотип и гетеростереотип русских позитивно влияют на предпочтение мигрантами из Узбекистана и Таджикистана стратегии интеграции.

Н3. Выраженная этническая идентичность и позитивный этнический автостереотип влияют негативно, а выраженная российская, собственная гражданская идентичности и позитивный гетеростереотип русских влияют позитивно на предпочтение мигрантами из Узбекистана и Таджикистана стратегии ассимиляции.

Н4. Выраженные этническая и российская идентичности, позитивный этнический автостереотип и гетеростереотип русских влияют негативно, а выраженная религиозная идентичность влияет позитивно на предпочтение мигрантами из Узбекистана и Таджикистана стратегии маргинализации.

Н5. Предпочтение стратегии интеграции способствует самоуважению, стратегии ассимиляции — удовлетворенности жизнью, предпочтение стратегий сепарации и маргинализации отрицательно влияет на самоуважение и удовлетворенность жизнью мигрантов из Узбекистана и Таджикистана.

Н6. Выраженная религиозная идентичность способствует успешной социокультурной адаптации мигрантов из Узбекистана и Таджикистана в Московском регионе.

Метод

Процедура.

Исследование проводилось в 2015 г. в Москве с помощью социально-психологического опроса. Выборка респондентов осуществлялась методом снежного кома, также использовалась удобная выборка (мы опрашивали добровольцев из группы людей, соответствующих основным требованиям нашего исследования). С участниками опроса проводился инструктаж, затем им предлагалось заполнить опросник в печатном варианте. Время его заполнения составило около 30 минут. Использовалось 2 варианта опросника — для таджиков и для узбеков. Опросники были переведены с русского на узбекский и таджикский языки (использовался метод прямого и обратного перевода). Респонденты имели возможность заполнять опросник как на русском, так и на родном языке. Участники опроса не получали вознаграждения.

Выборка.

Выборку исследования составили трудовые мигранты из Узбекистана и Таджикистана (N=201), 105 узбеков (52%), 96 таджиков (48%), в возрасте от 19 до 66 лет, (M=31,3), 64% — мужчины, 36% — женщины. 198 опрошенных (98,5%) являются мусульма-

нами, 1 респондент (0,5%) указал, что не исповедует никакой религии, 2 респондента не ответили (1%). В табл. 2. представлены гендерные и возрастные характеристики выборки.

Методики.

В исследовании использованы вопросы из опросника MIRIPS (Mutual Intercultural Relations in Plural Societies) [36], переведенного и адаптированного для условий России [9].

Аккультурационные стратегии. Сепарация — 4 вопроса (например, «Я считаю, что узбеки (таджики), живущие в России, должны сохранять свои культурные традиции и не усваивать русские»). Маргинализация — 4 вопроса (например: «Я считаю, что для узбеков (таджиков) не важно как поддерживать собственные культурные традиции, так и усваивать русские»). Интеграция — 4 вопроса (например: «Я предпочитаю иметь друзей как среди узбеков (таджиков), так и среди русских»). Ассимиляция — 4 вопроса (например: «Владеть в совершенстве узбекским (таджикским) языком для меня важнее, чем русским»). Степень согласия с каждым из представленных утверждений оценивалась респондентами по пятибалльной шкале, где 1 — абсолютно не согласен, 5 — абсолютно согласен.

Идентичности. Шкала этнической идентичности включала 7 вопросов (например: «Я горжусь тем, что я узбек (таджик)» [9]). Религиозная идентичность измерялась с помощью шкалы из пяти вопросов (например: «Я считаю себя представителем своей религии»). Для измерения была использована шкала M. Verkuyten [52] на русском языке, адаптированная и апробированная Международной лабораторией социокультурных исследований НИУ ВШЭ. Собственная гражданская идентичность измерялась с помощью шкалы, включающей 6 вопросов (например: «Я счастлив быть гражданином своей страны»). Для измерения была использована авторская шкала (ответы заданы в форме пятибалльной шкалы Лайкерта). Для измерения российской идентичности использовалась авторская шкала (ответы заданы в форме пятибалльной шкалы Лайкерта, например: «Я счастлив жить в России»). Для измерения российской гражданской идентичности использовалась шкала из опросника MIRIPS, адаптированная [9], включающая 6 вопросов (например: «Я считаю себя гражданином России»).

Этнические стереотипы. Изучение этнических авто и гетеро-стереотипов осуществлялось с помощью методики Д. Катца и К. Брейли «Приписывание качеств» с открытыми вариантами ответов. Респон-

дентам предлагалось написать качества, присущие представителям определенных этнических групп (узбекам, таджикам, русским, киргизам). Качества могли быть как положительные, так и отрицательные. Данные обрабатывались методом контент-анализа. Кодировка результатов зависела от соотношения положительных и отрицательных качеств, которые респондент приписывал представителям собственной этнической группы (автостереотип) или иной этнической группы (гетеростереотип): все качества положительные — 5 баллов; больше положительных, чем отрицательных, — 4 балла; положительных и отрицательных одинаково — 3 балла; отрицательных больше, чем положительных, — 2 балла; все качества отрицательные — 1 балл.

Самоуважение. Была использована шкала, состоящая из четырех вопросов [23] (например: «В целом, я удовлетворен собой»). Для измерения была использована шкала от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Удовлетворенность жизнью. Была использована шкала Розенберга [41]. В шкалу входило 4 вопроса (например: «Моя жизнь близка к идеалу»). Для измерения также была использована шкала от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Социокультурная адаптация. Мы использовали адаптированную шкалу из опросника MIRIPS [9], включающую 21 обратный вопрос (например: «Укажите, пожалуйста, в какой мере вы испытываете в России трудности в установлении и поддержании контактов с людьми»). Респонденту предлагалось 5 вариантов ответов: от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен. Далее ответы перекодировались.

Социально-демографические данные. Исследовались персональные данные: пол, возраст, образование, этничность и пр.

Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0 с приложением AMOS 22,0 (методы описательной статистики, α Кронбаха, моделирование структурными уравнениями (SEM), путевой анализ).

Результаты

Полученные результаты (табл. 3) показывают, что у мигрантов из Средней Азии доминирует стратегия интеграции, менее всего они ориентированы на ассимиляцию. Наиболее всего выражены собственная гражданская и этническая идентичности, наименее — российская гражданская идентичность.

Таблица 2

Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N	Гендерные характеристики		Возраст			
		Мужчины (N, %)	Женщины (N, %)	Min.	Max.	Mean	SD
Узбеки	105	64 (61%)	41 (39%)	20	66	30,6	8,65
Таджики	96	63 (66%)	33 (34%)	19	56	32,1	8,50
Всего	201	127 (64%)	74 (36%)	19	66	31,3	8,54

Автостереотип мигрантов более позитивен, чем гетеростереотип русских. Мигранты имеют высокий уровень самоуважения и достаточно низкий уровень социокультурной адаптации.

На рис. 1 представлена модель предикторов аккультурационной стратегии «сепарация» и удовлетворенности жизнью, самоуважения и социокультурной адаптации мигрантов из Средней Азии. Результаты показывают, что выраженная российская идентичность и положительный гетеростереотип русских отрицательно влияют на выбор стратегии

«сепарация» ($\beta = -0,23, p < 0,01$ и $\beta = -0,15, p < 0,05$ соответственно); данная стратегия не способствует самоуважению мигрантов ($\beta = -0,34, p < 0,001$), а выраженная религиозная идентичность не способствует социальной адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе ($\beta = -0,27, p < 0,001$) (эта связь универсальна и устойчива во всех моделях, поэтому мы далее при изложении результатов не будем ее описывать).

На рис. 2 представлена модель предикторов аккультурационной стратегии «интеграция»,

Таблица 3
 Средние значения выраженности социальной идентичности и этнических стереотипов (макс. 5 баллов)

	Показатели		
	М	SD	α
Социальные идентичности и этнические стереотипы			
Этническая	4,36	0,80	0,78
Религиозная	4,30	0,89	0,86
Собственная гражданская	4,37	0,82	0,86
Российская	3,36	1,10	0,83
Российская гражданская	3,08	1,03	0,92
Автостереотип	4,04	0,99	
Гетеростереотип русских	3,35	1,10	
Стратегии аккультурации			
Сепарация	2,46	1,10	0,68
Маргинализация	2,18	1,00	0,70
Интеграция	4,38	0,85	0,70
Ассимиляция	2,12	0,98	0,69
Показатели социокультурной и психологической адаптации			
Удовлетворенность жизнью	3,39	1,00	0,74
Самоуважение	4,39	0,73	0,75
Социокультурная адаптация	2,62	1,00	0,96

Условные обозначения: М – среднее; SD – стандартное отклонение; α – коэффициент α Кронбаха

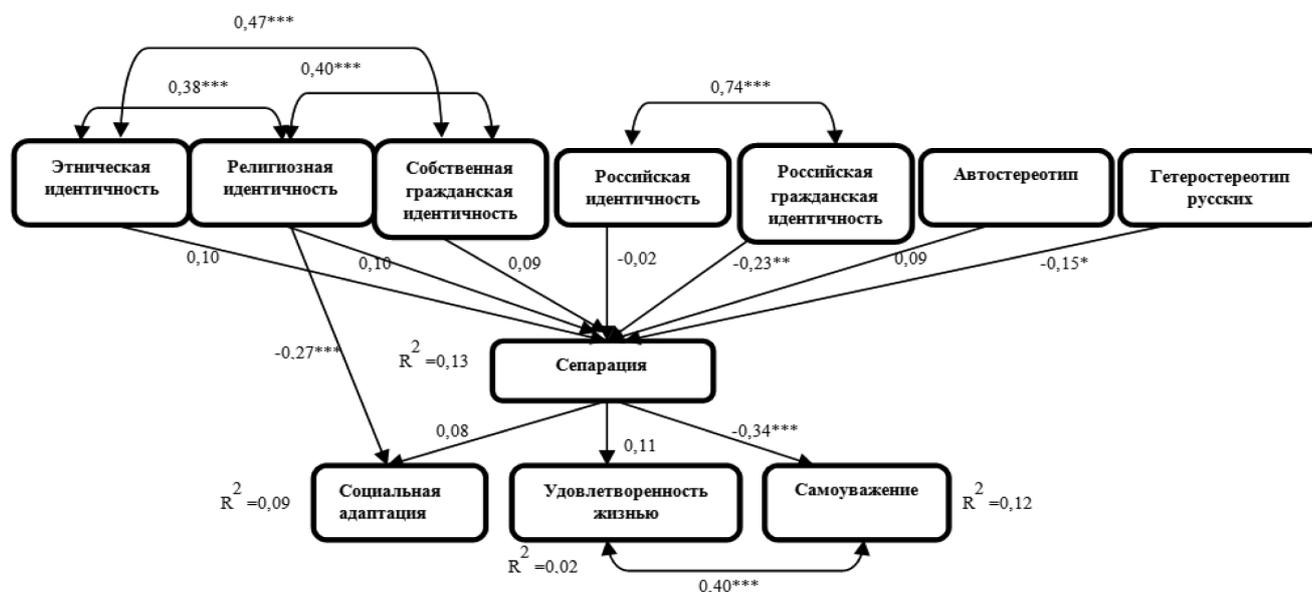

Рис. 1. Путь модель предикторов аккультурационной стратегии «сепарация», удовлетворенности жизнью, самоуважения и социальной адаптации мигрантов из Средней Азии. Показатели модели: $\chi^2/df = 1,8$; CFI = 0,96; RMSEA = 0,05; SRMR = 0,07; PCLOSE = 0,37

удовлетворенности жизнью, самоуважения и социальной адаптации мигрантов из Средней Азии. Результаты, представленные в модели, показывают, что выраженная этническая и российская идентичности способствуют выбору мигрантами стратегии «интеграция» ($\beta = 0,24, p < 0,01$ и $\beta = 0,17, p < 0,05$ соответственно), данная стратегия способствует самоуважению мигрантов ($\beta = 0,20, p < 0,01$).

Результаты путевого анализа, представленные на рис. 3, показывают, что выраженная этническая идентичность отрицательно влияет на стратегию ассимиляции ($\beta = -0,32, p < 0,001$), а выраженные собственная

гражданская, российская и российская гражданская идентичности способствуют стратегии ассимиляции ($\beta = 0,21, p < 0,05$; $\beta = 0,17, p < 0,05$ и $\beta = 0,17, p < 0,05$ соответственно). Данная стратегия отрицательно влияет на самоуважение и положительно – на удовлетворенность мигрантов своей жизнью ($\beta = -0,15, p < 0,05$ и $\beta = 0,19, p < 0,01$ соответственно).

Результаты путевого анализа, представленные на рис. 4, показывают, что выраженная религиозная идентичность положительно влияет на стратегию маргинализации ($\beta = 0,20, p < 0,01$), данная стратегия отрицательно влияет на самоуважение мигрантов ($\beta = -0,24, p < 0,01$).

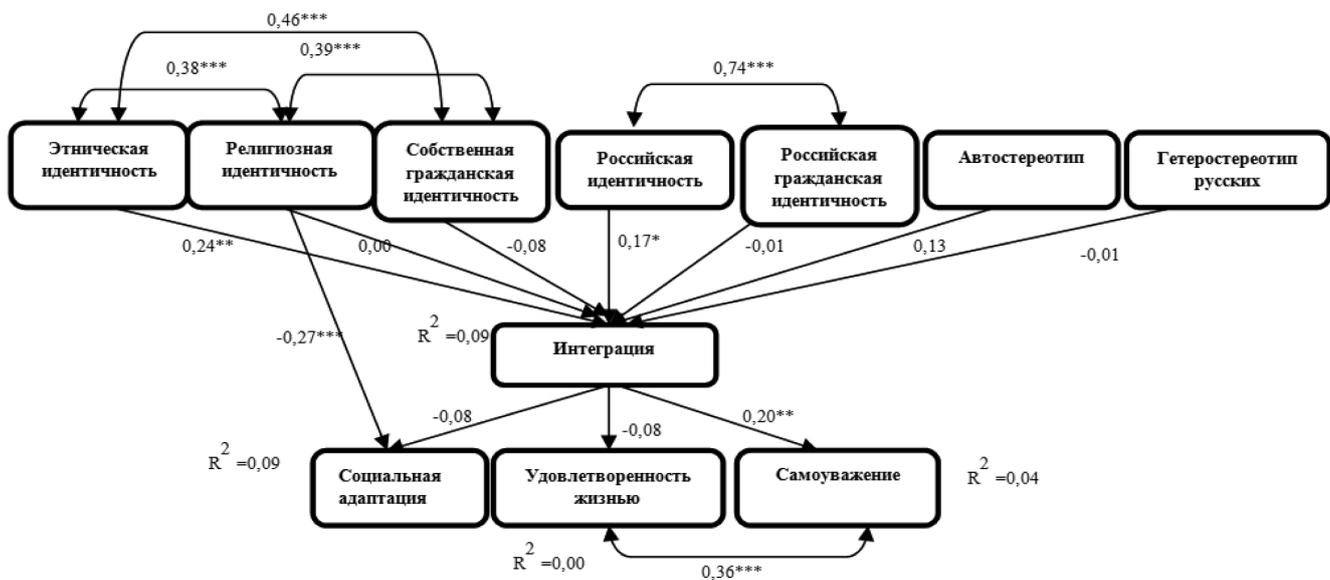

Рис. 2. Путьевая модель предикторов аккультурационной стратегии «интеграция», удовлетворенности жизнью, самоуважения и социальной адаптации мигрантов из Средней Азии. Показатели модели: $\chi^2/df = 1,9$; CFI = 0,94; RMSEA = 0,06; SRMR = 0,07; PCLOSE = 0,19

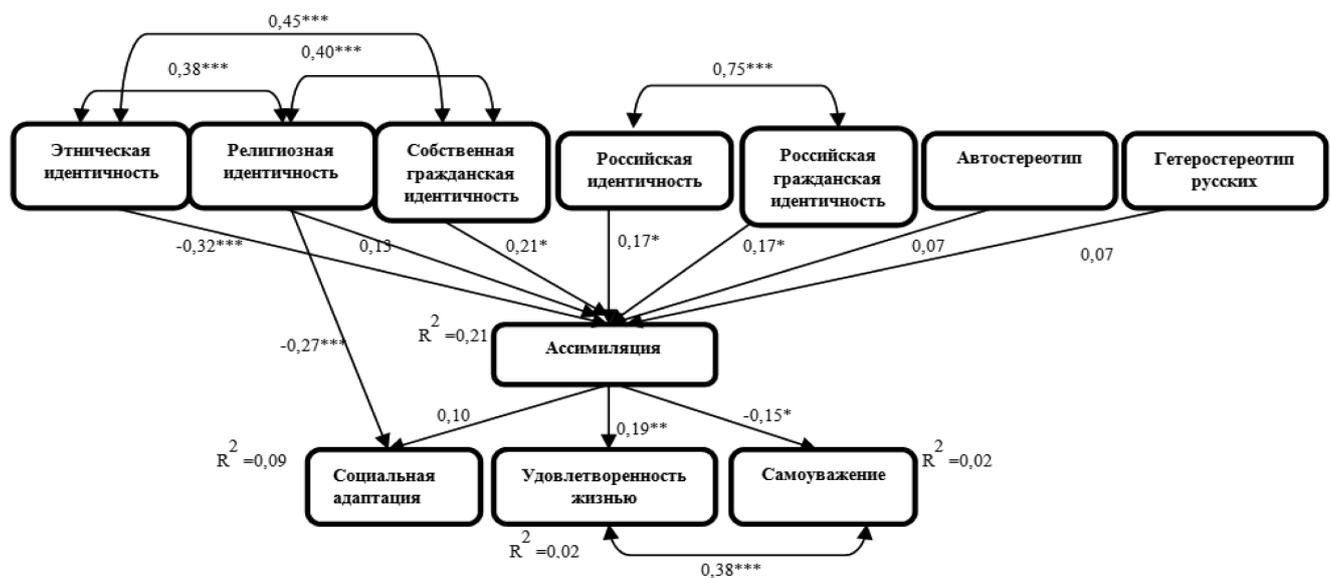

Рис. 3. Путьевая модель предикторов аккультурационной стратегии «ассимиляция», самоуважения, удовлетворенности жизнью и социальной адаптации мигрантов из Средней Азии. Показатели модели: $\chi^2/df = 1,9$; CFI = 0,94; RMSEA = 0,06; SRMR = 0,07; PCLOSE = 0,14

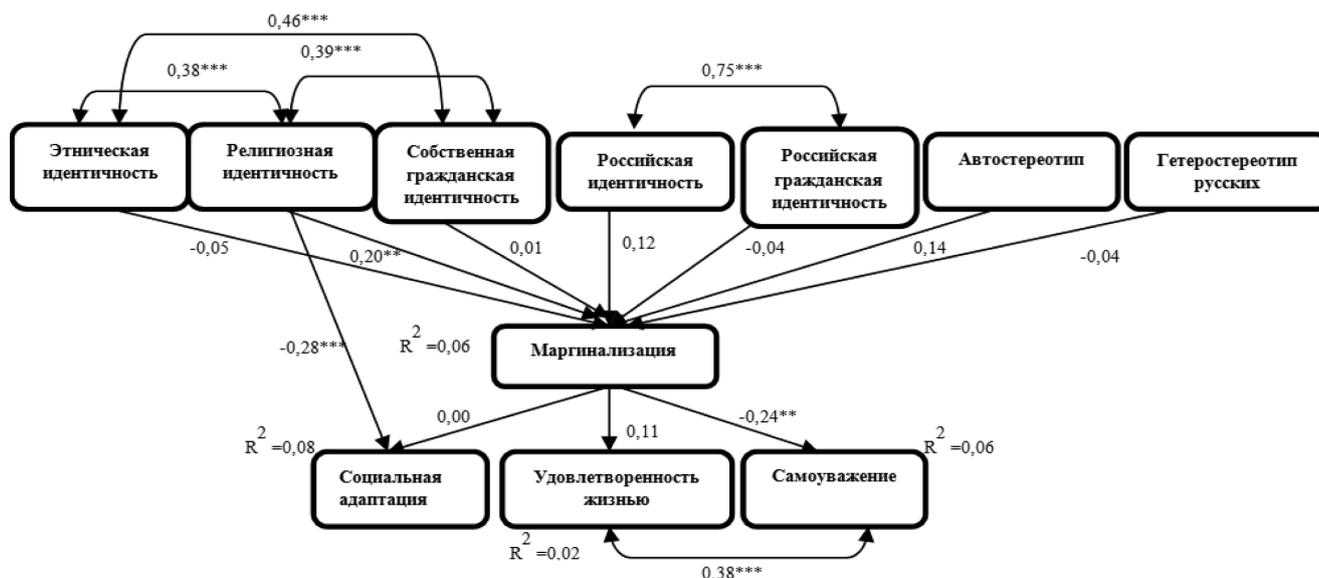

Рис. 4. Путь-модель предикторов аккультурационной стратегии «маргинализация», удовлетворенности жизнью, самоуважения и социальной адаптации мигрантов из Средней Азии. Показатели модели: $\chi^2/df = 1,8$; CFI = 0,94; RMSEA = 0,06; SRMR = 0,07; PCLOSE = 0,24

Дискуссия и выводы

В нашем исследовании была частично подтверждена первая гипотеза: выраженная российская гражданская идентичность и позитивный гетеростереотип русских негативно влияют на выбор мигрантами стратегии сепарации. То есть можно сказать, что если мигранты позитивно воспринимают русских и имеют выраженную идентификацию с российским государством, то они в меньшей степени ориентированы на выбор стратегии сепарации. Это согласуется с данными, полученными в ранее проведенных исследованиях [21; 47], доказывающих, что гражданская идентичность мигрантов и этнических меньшинств негативно связана с сепарацией.

В ходе исследования также была частично подтверждена наша вторая гипотеза: выраженные этническая и российская идентичности позитивно влияют на предпочтение стратегии интеграции. Частично наши результаты находят подтверждение в исследовании M. Verkuyten [51] (выявлена позитивная взаимосвязь между этнической идентичностью турецких мигрантов в Нидерландах и их интеграционными установками) и в исследованиях J.W. Berry, C. Sabatie, [21]; A.J. Umana-Taylor, K. Updegraff [47] (выявлена позитивная взаимосвязь гражданской идентичности мигрантов и этнических меньшинств с интеграцией).

В нашем исследовании мы установили, что выраженная этническая идентичность влияет негативно, а выраженные российская и собственная гражданская идентичности влияют позитивно на предпочтение стратегии ассимиляции. Это частично подтверждает нашу третью гипотезу. Полученные нами данные находят подтверждение в исследованиях M. Verkuyten [51] и R. Kalin, J. Berry [28], доказывающих, что выраженная этническая идентичность отрицательно, а национальная идентичность положительно влия-

ют на стратегию ассимиляции мигрантов и этнических меньшинств. Позитивное влияние собственной гражданской идентичности, на наш взгляд, можно объяснить тем, что страны исхода — Узбекистан и Таджикистан — являются мультикультурными, у респондентов их этническая идентичность и идентичность с собственной страной могут не совпадать, поэтому такой вид социальной идентичности может способствовать выбору мигрантами стратегии ассимиляции.

Выбор мигрантами из Средней Азии стратегии маргинализации определялся выраженной религиозной идентичностью, что частично подтверждает нашу четвертую гипотезу. Можно предположить, что религиозная идентичность играет роль «надэтнической» идентичности, поэтому не способствует ни поддержанию своей этнической культуры, ни освоению новой.

Также наше исследование показало, что выбор мигрантами стратегии интеграции способствует их самоуважению. Эти данные согласуются с результатами, полученными в исследованиях P.G. Schmitz, J.W. Berry [44] и A.M.D. Nguyen, V. Benet-Martinez [37]. Также мы установили, что выбор мигрантами из Средней Азии стратегии ассимиляции способствует их удовлетворенности жизнью. К подобным результатам пришли E. Greenman, Y. Xie, [26] и M. Verkuyten [50]. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что выбор мигрантами из Средней Азии стратегий сепарации и маргинализации не способствует их самоуважению. Эти данные согласуются с результатами, полученными P.G. Schmitz, J.W. Berry [44] и P.G. Schmitz [45]. В целом можно сказать, что наша пятая гипотеза подтвердилась.

Кроме этого, наше исследование показало, что выраженная мусульманская религиозная идентичность не способствует социокультурной адаптации мигрантов из Средней Азии в Московском регионе

России. Эти результаты не подтверждают нашу шестую гипотезу и не согласуются с данными С. Ward [56] и D. Sam, P. Vedder, С. Ward, G. Horenczyk [42], полученными при исследовании мигрантов мусульман. Возможно, в нашем исследовании выявленное отрицательное влияние определяется социокультурным контекстом Московского региона и отношением принимающего населения (в основном православного вероисповедания) к мигрантам мусульманам. Как показывают исследования [12], религиозные основы повседневной культуры являются одним из критериев, по которому формируются отношение москвичей к инокультурным мигрантам: наиболее толерантное отношение к православным мигрантам, наименее — к мигрантам мусульманам. Это может приводить к трудностям мигрантов мусульман в процессе осуществления ими каждодневных религиозных практик и в соблюдении ими своих национальных обычаев (ежедневные пятикратные молитвы — намаз; пост во время Рамадана — ураза; ношение одежды мусульманина и пр.), поскольку работодатели, московское принимающее общество не готовы принять такую модель поведения. Более того, мигранты-мусульмане в московском регионе могут испытывать трудности в посещении мечети, покупке «халяльной» пищи и пр., поскольку инфраструктура не ориентирована на удовлетворение этих потребностей мусульман.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

1. Наиболее успешной аккультурационной стратегией для мигрантов из Средней Азии является ин-

теграция, которая способствует их самоуважению. Она определяется выраженностью этнической и российской идентичностей.

2. Стратегия ассимиляции положительно влияет на удовлетворенность мигрантов своей жизнью, но отрицательно влияет на самоуважение. Выбор данной стратегии определяется положительным влиянием собственной гражданской, российской и российской гражданской идентичностей и отрицательным влиянием этнической идентичности.

3. Стратегии сепарации и маргинализации отрицательно влияют на самоуважение мигрантов, при этом выбору сепарации препятствует положительный гетеростереотип русских и российская гражданская идентичность. Стратегии маргинализации способствует религиозная идентичность.

4. Выраженная религиозная идентичность оказывает прямое негативное влияние на социокультурную адаптацию мигрантов из Средней Азии.

Важным, на наш взгляд, является приращение научных знаний в понимании роли собственной гражданской идентичности мигрантов в выборе ассимиляционной стратегии, роли российской идентичности и позитивного гетеростереотипа русских в препятствовании сепарации мигрантов, а также в понимании неконструктивной роли выраженной религиозной идентичности мигрантов из Средней Азии, не позволяющей им успешно адаптироваться в Московском регионе.

Полученные результаты могут быть использованы в работе центров адаптации и интеграции трудовых мигрантов в РФ.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ №15-18-00029.

Funding

This work was supported by the Russian Science Foundation (project #15-18-00029).

Литература

1. Белова О.А. Динамика изменений этнических стереотипов в российском обществе: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. М., 2011. 20 с.
2. Борিশполец К., Бабаджанов А. Миграционные риски стран Центральной Азии // Аналитические записки. № 2(22). М.: МГИМО — Университет, 2007. С.4–29.
3. Выхочил А.А. Этническая идентичность и межэтническое взаимодействие в Северной Башкирии: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2005. 251 с.
4. Выхованец О. Приобретение гражданства в странах СНГ и Балтии (обзор законодательства) [Электронный ресурс]. М., 2005. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doklad/enclosure3/> (дата обращения: 24.06.2015).
5. Григорьева К., Кузнецов И., Мукомель В., Рочева А. Социальная среда российских городов в восприятии «гастайтеров» и местного населения. М.: ИС РАН, 2010. 83 с.
6. Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайнчковской. М.: Три квартала, 2009. 272 с.

References

1. Belova O.A. Dinamika izmeneniy etnicheskikh stereotipov v rossiyskom obshchestve. Avtoref. diss. kand. sots. nauk [Dynamics of changes in ethnic stereotypes in the Russian society. Ph. D. (Sociology) Thesis]. Moscow, 2011. 20 p.
2. Borishpolets K., Babadzhanov A. Migratsionnyye riski stran Tsentral'noy Azii [Migration risks in Central Asia]. *Analiticheskiye zapiski [Policy Briefs]*. Moscow: MGIMO University, 2007, no. 2 (22), pp. 429.
3. Vyskochil A.A. Etnicheskaya identichnost' i mezhetnicheskoye vzaimodeystviye v Severnoy Bashkirii. Dis. kand. istor. nauk [Ethnic identity and inter-ethnic cooperation in the North Bashkiria. Ph. D. (History) Thesis]. Moscow, 2005. 251 p.
4. Vykhovanets O. Priobreteniyе grazhdanstva v stranakh SNG i Baltii (obzor zakonodatel'stva) [Elektronnyi resurs] [Acquisition of citizenship in the CIS and Baltic countries (legislative review)]. 2005. Available at: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/naturalization/doklad/enclosure3/> (Accessed: 24.06.2015)

7. Кавказ и Средняя Азия. Курс для социальных работников. Ч. 2. / Сост. Д.А. Александров, В.В. Костенко, Э.Д. Понарин. М.: МОТ, 2012. 72 с.
8. Лисицын П.П., Резаев А.В. Трудовые мигранты в России: стратегии социальной адаптации. Теоретические основы междисциплинарных исследований и практические примеры исследований в г. Иваново и г. Санкт-Петербург. СПб: СПбГУ, 2015. 174 с.
9. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. науч. статей / Под. ред. Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 10–64.
10. Максакова Л.П. Оценка перспектив миграции населения из Узбекистана // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Под ред. В.А. Ионцева. М.: Верди, 2011. С.171–187.
11. Межгосударственный статистический комитет СНГ. Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2011–2014 [Электронный ресурс]. М., 2015. URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: 25.12.2015).
12. Мнение москвичей о миграционной ситуации в столице и актуальных проблемах миграционных процессов: аналитический отчет по результатам социологического исследования [Электронный ресурс]. М., 2013. С. 30–39. URL: http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf (дата обращения: 25.12.2014).
13. Олимова С. Таджикистан: от вынужденной к трудовой миграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж.А. Зайончковской и Г.С. Витковской. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009. С. 350–377.
14. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Под ред. С.В. Голунова. М.: Аспект Пресс, 2008. 351 с.
15. Самсонов Д.А. Этнические стереотипы поведения корейцев: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 2007. 20 с.
16. Ульмасов Р.У. Таджикская миграция: история, последствия и уроки // Международная миграция населения на постсоветском пространстве: двадцать лет удач, ошибок и надежд / Под. ред. В.А. Ионцева. М.: Верди, 2011. С. 161–171.
17. Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю., Кузнецов И.М. Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 1. С.95–103. Портал психологических изданий PsyJournals.ru. URL: <http://psyjournals.ru/kip/2014/n1/67635.shtml> (дата обращения: 10.02.2015).
18. Alzhanova L., Aimaganbetova O., Yermekbayeva M. Cross-Cultural Research of Ethnic Stereotypes in Polyethnic Kazakhstan. World Academy of Science, Engineering and Technology // International Journal of Social, Human Science and Engineering. 2011. Vol. 5 (11). P. 126–137.
19. Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation [Электронный ресурс] // Applied Psychology: An International Review. 2006. Vol. 55(3). P. 303–33. doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x (дата обращения: 12.10.2015).
20. Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // Applied Psychology: An International Review. 1997. Vol. 46. P. 5–34. doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x
21. Berry J. W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in
5. Grigorieva K.S., Kuznetsov I.M., Mukomel V.I., & Rocheva A.L. Social'naya sreda rossiyskikh gorodov v vospriyatii «gasterbayterov» i mestnogo naseleniya [Social environment of Russian cities in the perception of gasterbayterov and the local population]. Moscow: IS RSA, 2010. 83 p.
6. Zayonchkovskaya Zh.A. (Ed). Migranty v Moskve [Migrants in Moscow]. Moscow: Three quarters, 2009. 272 p.
7. Aleksandrov D.A. (eds.), Kavkaz i Srednyaya Aziya. Kurs dlya sotsial'nykh rabotnikov. [Caucasus and Central Asia. The course for social workers]. Chast' 2. Moscow: MOT, 2012. 72 p.
8. Lisitsyn P.P., Rezayev A.V. Trudovyye migranty v Rossii: strategii sotsial'noy adaptatsii. Teoreticheskiye osnovy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy i prakticheskiye primery issledovaniy v g. Ivanovo i g. Sankt-Peterburg [Migrant workers in Russia: strategy of social adaptation. Theoretical basis of interdisciplinary studies and practical examples of research in Ivanovo and St. Petersburg]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2015. 174 p.
9. Lebedeva N.M. Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu vzaimnykh ustanovok i strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii [Theoretical approaches to the study of the mutual attitudes and strategies of intercultural interaction of migrants and the population of Russia]. In Lebedeva N.M. (eds.), *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviya migrantov i naseleniya Rossii: sb. statei [Strategy intercultural migrants and the population of Russia]*. Moscow: Publ. RUDN, 2009, pp. 10–64.
10. Maksakova L.P. Otsenka perspektiv migratsii naseleniya iz Uzbekistana [Assessment of the prospects of the population migration from Uzbekistan]. In Iontsev V.A. (ed.), *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya na postsovetskom prostranstve: dvadtsat' let udach, oshibok i nadezhd [International migration of population in the former Soviet Union: twenty years of successes, mistakes and hopes]*. Moscow: Verdi, 2011, pp. 171–187.
11. Mezhdgosudarstvennyy statisticheskiy komitet SNG. Naseleniye i sotsial'nyye indikatory stran SNG i otdel'nykh stran mira 2011–2014 [Elektronnyi resurs]. [The CIS Interstate Statistical Committee. Population and social indicators of the CIS countries and individual countries 2011–2014]. Moscow, 2015. Available at: <http://www.cisstat.com/> (Accessed: 25.12.2015)
12. Mneniye moskvichey o migratsionnoy situatsii v stolitse i aktual'nykh problemakh migratsionnykh protsessov: analiticheskiy otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya [Elektronnyi resurs] [The opinion of Muscovites on the migration situation in the capital and actual problems of migration: an analytical report on the results of sociological research]. Moscow, 2013, pp. 30–39. Available at: http://dsmir.mos.ru/napravleniya_deyatelnosti/sotsiologicheskie_issledovaniya/oprosy_obshchestvennogo_mneniya_v_2013_godu/Migration.pdf (Accessed: 25.12.2014)
13. Golunov S.V. (ed.), Regional'noye izmereniye transgranichnoy migratsii v Rossiyu [The regional dimension of cross-border migration in Russia]. Moscow: Aspekt Press, 2008. 351 p.
14. Samsonov D.A. Etnicheskiye stereotipy povedeniya koreytssev: Avtoref. kand. istor. nauk. [Ethnic stereotypes of the behavior Koreans. Ph.D. (History) Thesis]. Saint Petersburg, 2007. 20 p.
15. Ul'masov R.U. Tadzhijskaya migratsiya: istoriya, posledstviya i uroki [Tajik migration history, consequences and lessons]. In *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya na postsovetskom prostranstve: dvadtsat' let udach, oshibok i nadezhd [International migration of population in the former Soviet Union: twenty years of successes, mistakes and hopes]*. In Iotsev V.A. (ed.), Moscow: Verdi, 2011, pp. 161–171.

Montreal and Paris // *International Journal of Intercultural Relations*. 2010. Vol. 34(3). P. 191–207. doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.11.007

22. Britto P.R., Amer M.M. An exploration of cultural identity patterns and the family context among Arab Muslim young adults in America // *Applied Developmental Science*. 2007. Vol. 11. P. 137–150. doi.org/10.1080/10888690701454633

23. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffi S. The Satisfaction with Life Scale / *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. P. 71–75. doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

24. Fiske S.T., Cuddy A.J. C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. P. 878–902. doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878

25. Georgas J., Papastylilianou D. Acculturation and Ethnic Identity: The Remigration of Ethnic Greeks to Greece // *Key Issues in Cross-Cultural Psychology* / Grad H., Blanco A., Georgas J. (eds.). Lisse, Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1998. P. 114–127.

26. Greenman E., Xie Y. Is assimilation theory dead? The effect of assimilation on adolescent well-being // *Social Science Research*. 2008. Vol. 37(1). P. 109–137. doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.07.003

27. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011. Vol. 37(9). P. 1423–1440. doi.org/10.1080/1369183X.2011.623617

28. Kalin R., Berry J.W. Interethnic attitudes in Canada: Ethnocentrism, consensual hierarchy and reciprocity // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 1996. Vol. 28. P. 253–261. doi.org/10.1037/0008-400X.28.4.253

29. Kiyhoğlu L., Wimmer H. The Relationship between Immigration, Acculturation and Psychological Well-being The Case of Turkish Youth in Austria // *Nesne*. 2015. Vol. 3 (5). P. 1–19. doi.org/10.7816/nesne-03-05-01

30. Kosic A. Acculturation attitudes, need for cognitive closure, and adaptation of immigrants // *The Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 242(2). P. 179–201. doi.org/10.1080/00224540209603894

31. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes // *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*. 2015. Vol. 4(1). P. 66–81. doi.org/10.1037/ipp0000025

32. Laroche M., Kim C., Hui M., Tomiuk M. Test of a Nonlinear Relationship between Linguistic Acculturation and Ethnic Identification // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1998. Vol. 29(3). P. 418–433. doi.org/10.1177/0022022198293003

33. Lebedeva N., Tatarko A. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia // *Immigration: policies, challenges, and impact* / E. Tartakovsky (Ed.). Hauppauge, N.Y.: Nova Science Publishers, 2013. P. 179–194.

34. Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 1996. Vol. 10. P. 1–16. doi.org/10.1002/(SICI)1099-1298(200001/02)10:1<1::AID-CASP521>3.0.CO;2-5

35. Marsh A.A., Elfenbein H.A., Ambady N. Separated by a Common Language: Nonverbal Accents and Cultural Stereotypes About Americans and Australians // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2007. Vol. 38. P. 284–301. doi.org/10.1177/0022022107300275

16. Olimova S. Tadjikistan: ot vynuuzhdennoy i trudovoy migratsii [Tajikistan: from forced labor and migration]. In Zayonchkoskaya Zh.A. (eds.), *Postsovetskoye transformatsii: otrazheniye v migratsiyakh* [Post-Soviet transformation: reflection in migration]. Moscow: IT «Adamant», 2009. pp. 350–377.

17. Khukhlayev O.E., Chibisova M.Y., Kuznetsov I.M. Shkola kak translyator kul'tury prinyimayushchego obshchestva: integratsiya detey-migrantov v obrazovatel'noy srede [Elektronnyi resurs] [School as a translator of culture of the host society: the integration of migrant children into the educational environment] *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya, PsyJournals.ru* [Cultural-Historical Psychology PsyJournals.ru], 2014, no. 10(1), pp. 95–103. Available at: <http://psyjournals.ru/kip/2014/n1/67635.shtml> (Accessed: 10.02.2015) (In Russ., Abstr. in Engl.)

18. Alzhanova L., Aimagambetova O., Yermekbayeva M. Cross-Cultural Research of Ethnic Stereotypes in Polyethnic Kazakhstan. *World Academy of Science, Engineering and Technology International Journal of Social, Human Science and Engineering*, 2011, no. 5 (11), pp. 126–137.

19. Berry J.W., Phinney J.S., Sam D.L., Vedder P. Immigrant youth: Acculturation, identity, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 2006, no. 55(3), pp. 303–330. doi.org/10.1111/j.1464-0597.2006.00256.x

20. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*, 1997, no. 46, pp. 5–34. doi.org/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x

21. Berry J.W., Sabatier C. Acculturation, discrimination, and adaptation among second generation immigrant youth in Montreal and Paris. *International Journal of Intercultural Relations*, 2010, no. 34(3), pp. 191–207. doi.org/10.1016/j.ijintrel.2009.11.007

22. Britto P.R., Amer M.M. An exploration of cultural identity patterns and the family context among Arab Muslim young adults in America. *Applied Developmental Science*, 2007, no. 11, pp. 137–150. doi.org/10.1080/10888690701454633

23. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffi S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985, no. 49, pp. 71–75. doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

24. Fiske S.T., Cuddy A.J. C., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, no. 82, pp. 878–902. doi.org/10.1037/0022-3514.82.6.878

25. Georgas J., Papastylilianou D. Acculturation and Ethnic Identity: The Remigration of Ethnic Greeks to Greece. In Grad H. (eds.), *Key Issues in Cross-Cultural Psychology*. Lisse, Netherlands: Swets & Zeitlinger, 1998, pp. 114–127.

26. Greenman E., Xie Y. Is assimilation theory dead? The effect of assimilation on adolescent well-being. *Social Science Research*, 2008, no. 37(1), pp. 109–137. doi.org/10.1016/j.ssresearch.2007.07.003

27. Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T. Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2011, no. 37(9), pp. 1423–1440. doi.org/10.1080/1369183X.2011.623617

28. Kalin R., Berry J.W. Interethnic attitudes in Canada: Ethnocentrism, consensual hierarchy and reciprocity. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 1996, no. 28, pp. 253–261. doi.org/10.1037/0008-400X.28.4.253

29. Kiyhoğlu L., Wimmer H. The Relationship between Immigration, Acculturation and Psychological Well-being

36. MIRIPS. Mutual intercultural relations in plural societies. [Cited 07 March 2016] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips> (дата обращения: 22.12.2014).
37. Nguyen A.M.D., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: a meta-analysis [Электронный ресурс] // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2003. Vol. 44(1). P. 122–159. URL: <http://dx.doi.org/10.1177/0022022111435097> (дата обращения: 14.03.2015).
38. Ng Tseung C., Verkuyten M. Religious and national group identification in adolescence: A study among three religious groups in Mauritius // *International Journal of Psychology*. 2013. Vol. 48. P. 846–857. doi.org/10.1080/00207594.2012.701748
39. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmente Assimilation and Its Variants // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1993. Vol. 530. P. 74–96. doi.org/10.1177/0002716293530001006
40. Raijman R. Foreigners and Outsiders: Exclusionist Attitudes towards Labour Migrants in Israel // *International Migration*. 2013. Vol. 51 (1). P. 136–151. doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00719.x
41. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. doi.org/10.1515/9781400876136
42. Sam D., Vedder P., Ward C., Horenczyk G. Psychological and sociocultural and adaptation of immigrant youth // Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts / J.W. Berry, J. Phinney, D. Sam, P. Vedder (Eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006
43. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. P. 437–448. doi.org/10.1037/0022-3514.69.3.437
44. Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national samples in Germany [Электронный ресурс] // *Proceedings of IACCP Congress* / K. Boehnke (Ed.). Bremen, 2009. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/139814898> (дата обращения: 18.11.2015).
45. Schmitz P.G. On the alternative five factor model: Structure and correlates // *On the psychobiology of personality: Essays in honor of Marvin Zuckerman* / R.M. Stelmack (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2004. P. 65–87.
46. Stephan W.G., Stephan C.W. Predicting prejudice // *International Journal of Intercultural Relations*. 1996. Vol. 20. P. 409–426. doi.org/10.1016/0147-1767(96)00026-0
47. Umaña-Taylor A.J., Updegraff K. Latino adolescents' mental health: Exploring the role of discrimination, ethnic identity, acculturation, and self-esteem // *Journal of Adolescence*. 2007. Vol. 30. P. 549–567. doi.org/10.1016/j.adolescence.2006.08.002
48. van Osch Y. M.J., Breugelmans S.M. Perceived Intergroup Difference as an Organizing Principle of Intercultural Attitudes and Acculturation Attitudes // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43(5). P. 801–821. doi.org/10.1177/0022022111407688
49. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J. Social networks, social support, and their relationship to depression among immigrant Mexican women // *Human Organization*. 1991. Vol. 50. P. 154–162. doi.org/10.17730/humo.50.2.p340266397214724
50. Verkuyten M. Assimilation ideology and situational well-being among ethnic minority members // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2010. Vol. 46(2). P. 269–275. doi.org/10.1016/j.jesp.2009.11.007
- The Case of Turkish Youth in Austria. *Nesne*, 2015, no. 3 (5), pp. 1–19. doi.org/10.7816/nesne-03-05-01
30. Koscic A. Acculturation attitudes, need for cognitive closure, and adaptation of immigrants. *The Journal of Social Psychology*, 2002, no. 242(2), pp. 179–201. doi.org/10.1080/00224540209603894
31. Kus-Harbord L., Ward C. Ethnic Russians in post-Soviet Estonia: Perceived devaluation, acculturation, well-being, and ethnic attitudes. *International Perspectives in Psychology: Research, Practice, Consultation*, 2015, no. 4(1), pp. 66–81. doi.org/10.1037/ipp0000025
32. Laroche M., Kim C., Hui M., Tomiuk M. Test of a Nonlinear Relationship between Linguistic Acculturation and Ethnic Identification. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1998, no. 29(3), pp. 418–433. doi.org/10.1177/0022022198293003
33. Lebedeva N., Tatarko A. Immigration and intercultural interaction strategies in post-Soviet Russia. In Tartakovsky E. (ed.), *Immigration: policies, challenges, and impact*. Hauppauge, N.Y.: Nova Science Publishers, 2013, pp. 179–194.
34. Liebkind K., Jasinskaja-Lahti I. The influence of experiences of discrimination on psychological stress: A comparison of seven immigrant groups. *Journal of Community and Applied Social Psychology*, 1996, no. 10, pp. 1–16. doi.org/10.1002/(SICI)1099-1298(200001/02)10:1<1::AID-CASP521>3.0.CO;2-5
35. Marsh A. A., Efenbein H. A., Ambady N. Separated by a Common Language: Nonverbal Accents and Cultural Stereotypes About Americans and Australians. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2007, no. 38, pp. 284–301. doi.org/10.1177/0022022107300275
36. MIRIPS. Mutual intercultural relations in plural societies [Elektronnii resurs] [Cited 07 March 2016]. Available at: <http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips> (Accessed: 22.12.2014)
37. Nguyen A.M.D., Benet-Martinez V. Biculturalism and adjustment: a meta-analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2003, no. 44(1), pp. 122–159. doi.org/10.1177/0022022111435097
38. Ng Tseung C., Verkuyten M. Religious and national group identification in adolescence: A study among three religious groups in Mauritius. *International Journal of Psychology*, 2013, no. 48, pp. 846–857. doi.org/10.1080/00207594.2012.701748
39. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmente Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, no. 530, pp. 74–96. doi.org/10.1177/0002716293530001006
40. Raijman R. Foreigners and Outsiders: Exclusionist Attitudes towards Labour Migrants in Israel. *International Migration*, 2013, no. 51 (1), pp. 136–151. doi.org/10.1111/j.1468-2435.2011.00719.x
41. Rosenberg M. Society and the adolescent self-image. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965. 243 p. doi.org/10.1515/9781400876136
42. Sam D., Vedder P., Ward C., Horenczyk G. Psychological and sociocultural and adaptation of immigrant youth. In Berry J.W. (eds.), *Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006. 1254 p.
43. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, no. 69, pp. 437–448. doi.org/10.1037/0022-3514.69.3.437
44. Schmitz P.G., Berry J.W. Structure of acculturation attitudes and their relationships with personality and psychological adaptation: A study with immigrant and national

51. Verkuyten M. Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. Vol. 88. P. 121–138. doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121
52. Verkuyten M., Yildiz A.A. National (Dis) Identification and Ethnic and Religious Identity: A Study among TurkishDutch Muslims // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. P. 1448–1462. doi.org/10.1177/0146167207304276
53. Ward C. Acculturation // *Handbook of intercultural training* / D. Landis, R. Bhagat (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1996. P. 124–147.
54. Ward C., Kennedy A. Psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home // *International Journal of Psychology*. 1993. Vol. 28. P. 129–147. doi.org/10.1080/00207599308247181
55. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 1999. Vol. 30(4). P. 422–442. doi.org/10.1177/0022022199030004003
56. Ward C. Probing identity, integration and adaptation: Big questions, little answers // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 34. P. 391–404. doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.04.001
- samples in Germany. In Boehnke K. (ed.), *Proceedings of IACCP Congress*. Bremen, 2009. Available at: <https://publications.hse.ru/chapters/139814898> (Accessed: 18.11.2015)
45. Schmitz P.G. On the alternative five factor model: Structure and correlates. In Stelmack R.M. (ed.), *On the psychobiology of personality: Essays in honor of Marvin Zuckerman*. Amsterdam: Elsevier, 2004, pp. 65–87.
46. Stephan W.G., Stephan C. W. Predicting prejudice. *International Journal of Intercultural Relations*, 1996, no. 20, pp. 409–426. doi.org/10.1016/0147-1767(96)00026-0
47. Umaña-Taylor A.J., Updegraff K. Latino adolescents' mental health: Exploring the role of discrimination, ethnic identity, acculturation, and self-esteem. *Journal of Adolescence*, 2007, no. 30, pp. 549–567. doi.org/10.1016/j.adolescence.2006.08.002
48. van Osch Y.M.J., Breugelmans S.M. Perceived Intergroup Difference as an Organizing Principle of Intercultural Attitudes and Acculturation Attitudes. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012, no. 43(5), pp. 801–821. doi.org/10.1177/0022022111407688
49. Vega W., Kolody B., Valle R., Weir J. Social networks, social support, and their relationship to depression among immigrant Mexican women. *Human Organization*, 1991, no. 50, pp. 154–162. doi.org/10.17730/humo.50.2.p340266397214724
50. Verkuyten M. Assimilation ideology and situational well-being among ethnic minority members. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010, no. 46(2), pp. 269–275. doi.org/10.1016/j.jesp.2009.11.007
51. Verkuyten M. Ethnic group identification and group evaluation among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005, no. 88, pp. 121–138. doi.org/10.1037/0022-3514.88.1.121
52. Verkuyten M., Yildiz A.A. National (Dis) Identification and Ethnic and Religious Identity: A Study among Turkish Dutch Muslims. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007, no. 33, pp. 1448–1462. doi.org/10.1177/0146167207304276
53. Ward C. Acculturation. In Landis D. (eds.), *Handbook of intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1996, pp. 124–147.
54. Ward C., Kennedy A. Psychological and sociocultural adjustment during cross-cultural transitions: A comparison of secondary students overseas and at home. *International Journal of Psychology*, 1993, no. 28, pp. 129–147. doi.org/10.1080/00207599308247181
55. Ward C., Rana-Deuba A. Acculturation and adaptation revisited. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1999, no. 30(4), pp. 422–442. doi.org/10.1177/0022022199030004003
56. Ward C. Probing identity, integration and adaptation: Big questions, little answers. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013, no. 34, pp. 391–404. doi.org/10.1016/j.ijintrel.2013.04.001